

Ю. К. Кузьменко

**БОРЪЯРМОЛЕТ,
СААМО-ШВЕДСКИЙ ПИДЖИН НАЧАЛА XVIII в.**

Языковые контакты на севере Скандинавского полуострова, где либо в постоянном, либо во временном контакте находились носители саамского, финского, русского, шведского и норвежского языков в соответствующих диалектных формах и сейчас разнообразны, а раньше были еще разнообразнее, поскольку не только саами и финны владели шведским и норвежским, но и скандинавы владели саамским и финским¹. Кроме полного координативного дву- и многоязычия и разной степени субординативного дву- и многоязычия, характерного для ситуации постоянного контакта, на севере Европы формировались разного рода торговые языки, обеспечивавшие общение прежде всего в период сезонной торговли. От некоторых из них сохранились только названия, ср., например, саамо-норвежский торговый язык *gavppe-daro* «торговый норвежский»². Есть сведения и о том, что саами общались с русскими купцами на особом норвежском³. В Архангельске существовал русско-английский пиджин (соломбала)⁴. Самый известный такой сезонный язык в Скандинавии, — несомненно, *russenorsk* «русско-норвежский», на котором с конца XVIII в. до революции 1917 г. в северной Норвегии общались русские крестьяне, торговавшие хлебом, и норвежские рыбаки, торговавшие рыбой⁵.

Одним из торговых языков на севере Швеции был боръярмолет (*borgarmålet*) «городской язык», саамо-шведский торговый язык, на котором жители шведских городов и саами общались во время

ежегодных сезонных торгов. Хёгстрём так описывает ситуацию на юге саамских земель: «... большинство саамов понимает шведский, а большинство шведов саамский, а в некоторых местах почти все могут изъясняться на языке, который они называют “городским языком” (*borgarmålet*), и этот язык не соответствует ни шведскому, ни саамскому языку (*et språk, som hwarken med Svenska eller Lapska tungumålens art är enligit*)»⁶. Хёгстрём приводит и несколько предложений на боръярмолет. Во многих современных работах по пиджинам боръярмолет часто упоминается, но почти никогда не анализируется. Исраиль Руонг в послесловии к факсимильному изданию книги Хёгстрёма писал, что боръярмолет это «своего рода жаргон (*ett slags rotväliska*), состоящий из шведских слов и из саамского синтаксиса (*samisk satskonstruktion*)»⁷. Так же, со ссылкой на Руонга, определяют боръярмолет Эрнст Хакон Яр и Ингвиль Брок⁸. Однако, как уже упоминалось выше, до сих пор не было попытки анализа боръярмолет, вероятно, потому, что пять предложений Хёгстрёма казались недостаточными для такого анализа. Материал Хёгстрёма, однако, настолько единообразен, что он дает возможность увидеть все основные особенности боръярмолет. Вот все примеры Хёгстрёма с его переводами на шведский язык в его орфографии:

1. *Du stick uti mäg din skin, så jag sätt uti däg min bränwin* — ‘Ты дай/дашь мне свои меха, а я дам тебе свою водку’ — *Du gifwer mig dina skinnvaror, så gifwer jag dig bränwin igen.*

2. *Du släpp din räff uti min wäm, så få du din bak den pelsomesak* — ‘Ты дай/дашь свою репу (возможно, корнеплод вообще. — Ю. К.) для моего живота, и тогда получишь за это оленью шкуру’ — *Du ger denna rot eller rofwa åt min maga, så gifwer jag dig tillbaka detta muddskin.*

3. *Den Lapman kast sin renost bak i den borgar* — ‘Саами отдаст за это свой олений сыр горожанину’ — *Lappen ger Renosten åt Borgarn.*

4. *Som du wara rätt stin* — ‘Ты очень дорогой’ (т. е. ‘Твои товары очень дорогие’) — *Du är mycket dyr.*

5. *Hur sit din heit?* ‘Как тебя зовут?’ (*букв.* ‘Как называется твой род (община)?’) — *Huru heter du?*¹⁰

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словарный состав боръярмолет, в основном, шведский, причем любопытно употребление многочисленных синонимов для переда-

чи простых и для торгового языка важных значений; ср.: *stick* (1), *sätt* (1), *släpp* (2), *kast* (3), в значении «дай» или «дашь»¹¹. Однако в боръярмолет есть не только шведские, но и саамские слова, причем не только те, которые обозначают типично саамские реалии такие, например, как *sit* (ср.: севсаам. *süida* ‘сида’, ‘саамская община’), но и слова, обозначающие обычные понятия, которые обычно не заимствуются соседними шведскими диалектами; ср.: *väm* ‘живот’, инарисаам. *vajmu* ‘подложечная ямка, живот, ненасытность (Esslust)’¹².

Из саамского попало в боръярмолет и слово *räf* ‘репа (возможно корнеплод вообще)’; ср.: южносаамское *ruäva*, *reävaa*, *reäve* ‘белая репа’, ‘капуста’¹³. Это слово было заимствовано саамским, вероятно, еще в прагерманский период, поскольку в саамском корне гласная переднего ряда, а в тех современных скандинавских языках, где есть это слово, оно имеет гласную заднего ряда (ср. шв. *rova* ‘репа’, исл. *rófa* ‘свекла’)¹⁴. Для прагерманского реконструируют однако две формы **rēf-* и **rōf-*¹⁵. Именно к прагерманскому корню *rēf-* и может восходить южносаамское *reäva* и соответственно форма *räf* в боръярмолет¹⁶.

Благодаря северошведской балансной апокопе многие слова и существительные и глаголы имеют вид чистых корней (*sit*, *wäm*, *stick*, *släpp*, *kast*, *sätt*, *fä*, *heit*, *räf*). Есть в боръярмолет и сложные слова (*bränwin*, *renost*), соответствующие шведским сложным словам. Однако есть и слова, состоящие из двух шведских корней, но не встречающиеся в таком виде в шведском; ср.: *lapman* ‘саами’, *pelsomesak* ‘оленья шкура’. В случае с *lapman* мы имеем дело с использованием *man* в качестве суффикса, что было, вероятно, характерно при обозначении национальности во всех арктических пиджинах. Этот же суффикс мы встречаем и в руссеношке; ср.: *russman* ‘русский’, *filman* ‘саами’. Эти формы образованы по аналогии с формами с полусуффиксом *-man* в скандинавских языках; ср.: *norrtman* ‘норвежец’, однако в скандинавских языках ни для обозначения русского, ни для обозначения саами полусуффикс *-man* не используется. Перед нами в этом случае несомненная инновация боръярмолет и руссеношка.

Не вполне понятна форма *pelsomesak*, которую Хёгстрём переводит как *muddskin* ‘оленья шкура’. Ясно, что *pels* восходит к шведскому *päls* ‘мех, шкура’, а *sak* к шведскому *sak* ‘вещь, предмет, дело’. Какую функцию выполняет *ome*, не вполне ясно. Возможно,

-*om* рефлекс окончания дательного падежа множественного числа, который частично сохранился до нашего времени в североскандинавских диалектах, а *e* характерная для саамского языка соединительная гласная. В таком случае исконное значение формы *pel-somesak* могло быть «мехами-дело», т. е. плата мехами. Возможно, форма дательного падежа множественного числа была реинтерпретирована в боръярмолет как основная (и единственная) форма. С таким явлением мы часто сталкиваемся в пиджинах, в том числе и в руссеношке; ср., напр., форму *kralom* ‘красть’ или *propal* ‘пропасть’, где за основу взяты русские формы прошедшего времени, или форму *klæba* ‘хлеб’, где за основу взята форма русского генитива. Что касается элемента *-sak*, то, возможно, в этом случае мы имеем дело с простым основосложением («шкура + вещь»). Однако по своей семантике *-sak* в этой форме близко к полусуффиксу. Такое употребление — это еще большая инновация боръярмолет, чем появление форм типа *lapman*. В скандинавских литературных нормах, насколько мне известно, *sak* не превращается в полусуффикс, хотя семантика этого слова позволяет ему стать таковым.

ФОНЕТИКА

Мы мало что можем сказать о произношении боръярмолет. Однако транслитерация Хёгстрёма, обозначившего ряд отличий боръярмолет от шведской нормы, позволяет нам увидеть северошведские фонологические черты, такие как сохранение исконных дифтонгов (ср. написание *heit*), смычное /g/ в возвратных местоимениях (/mæg/, /dæg/), ср. формы *mäg* и *däg*. Нашла отражение в боръярмолет и характерная для северных шведских диалектов балансная апокопа, в результате которой долгосложные слова теряли конечный гласный, ср. северошведские формы инфинитива *stick* < *sticka*, *släpp* < *släppa*, *kast* < *kasta*, *sätt* < *sätta*, *heit* < *heita* и соответствующие формы в боръярмолет, а краткосложные слова сохраняли второй слог; ср. *vara* < *vara*, ср. *wara* в боръярмолет. Существованием правила баланса гласных объясняются и формы *wäm*, *sit* и *räf* заимствованные из саамского, где эти слова двусложные.

Мы видим, что фонологические процессы, такие как баланс гласных, а также фонемный состав слов (ср., напр.: *heit*, *mäg*, *däg*) соответствуют в боръярмолет северошведскому образцу. Шведской

модели соответствует в боръярмолет и противопоставление *tenues* и *media* в начале слова (ср., напр.: *du, bränwin, borgar, no pelsomesak, kast*). В саамских языках раньше такого противопоставления не было, и все слова с начальными *ptk* в современных саамских языках — это скандинавские заимствования.

ГРАММАТИКА

Для передачи всех глагольных значений (повелительного наклонения или будущего времени, как у Хёгстрёма в предложениях 1, 2, настоящего времени, как в предложениях 4, 5, и будущего времени, как в предложении 3) используется одна и та же глагольная форма, восходящая к северошведскому инфинитиву (ср.: *stick, släpp, kast, sätt, heit, få, vara*). О том, что перед нами именно форма инфинитива, а не форма, например, повелительного наклонения, свидетельствует форма *wara* с сохраняющимся *a*. Глагольная парадигма отсутствует, и глагольное значение определяется только синтаксисом и невозможностью сочетания глагола с показателями существительного. У существительных также отсутствует словоизменение. В боръярмолет нет грамматического рода (ср.: *min bränwin, din skinn* шв. литер. *mitt brännvin, mitt skinn*), что соответствует отсутствию рода в саамских языках, и, по-видимому, нет грамматической формы числа. В отличие от саамских языков, где есть падежи, и от северошведских диалектов, где сохраняются формы генитива и некоторые формы датива, в боръярмолет нет падежей. Существительные определяются детерминативами. Все существительные у Хёгстрёма либо употреблены с притяжательными местоимениями, в основном, в препозиции (ср.: *din skin, min bränwin, din räf, min maga, sin renost*, но *sit sin*), либо снабжены свободностоящим артиклем, выполняющим функцию показателя существительного (*den lapman, den borgar, den pelsomesak*). Напомним, что в саамских языках нет категории определенности и нет артиклей, а в скандинавских языках определенный артикль суффиксирован. Таким образом, и в этом случае мы имеем дело с инновацией боръярмолет, отказавшегося от синтетической формы суффиксированного определенного артикля, характерной для всех скандинавских языков, и заменившим ее аналитической формой со свободностоящим артиклем (ср.: *den lapman, den borgar* в боръярмолет — *lappen, borgarn* в переводах Хёгстрёма), который фактически в боръярмо-

лет — просто показатель существительного. Возможное более частое по сравнению со шведским языком употребление в качестве детерминативов притяжательных местоимений (ср.: *sin renost*, ср. перевод Хёгстрёма «Renosten» и *din räf* ‘denna rot eller rofwa’) связано с тем, что в саамских языках в подобных случаях используются притяжательные суффиксы, которые могут иметь не только притяжательное значение, но и значение определенности¹⁷. Однако вместо суффиксальной передачи притяжательности в борьярмолет используется аналитическая конструкция с препозицией притяжательного местоимения как в шведском языке.

Порядок слов во всех предложениях соответствует скандинавскому порядку слов с глаголом на втором месте. Единственным исключением оказывается предложение *Hur sit din heit?* ‘Как тебя зовут?’ (‘Какого ты рода?’), в котором глагол занимает третью позицию. Возможно, в этом случае вопросительное слово *hur* относится не к глаголу, а к группе существительного *sit din* и имеет значение не *как*, а *какой* (т. е. *букв.* ‘какой твой род есть?’), т. е. ‘из какого ты рода?’). В таком случае контактное расположение *hur* и *sit din* соответствует расположению соответствующих компонентов в шведском языке (ср.: *vilken* или *hurudan* + существительное).

Борьярмолет отличается от руссеношка наличием копулы (ср.: *Som du wara rätt stin* ‘Du är mycket dyr’). В пиджинах часто отсутствует копула, однако, поскольку и в шведском, и в саамском копула есть, естественно ее сохранение и в борьярмолет.

Кроме очевидного скандинавского элемента, общего упрощения грамматики и формирования новых аналитических форм (ср. свободностоящий артикль) вместо скандинавских синтетических форм, в борьярмолет можно обнаружить и влияние саамской грамматики. Кроме упомянутого выше употребления притяжательных местоимений вместо обычных для шведского определенных артиклей, мы сталкиваемся еще с тремя примерами такого влияния. Первый касается передачи семантики адресата, которая в индоевропейских языках, в том числе и в древних скандинавских языках и в современных островных скандинавских языках, выражается дательным падежом («кому»), следы чего сохраняются и в современных континентальных скандинавских языках (ср. шв. *ge honom*).

Второй — в финно-угорских языках это же значение передается иллативом, направительным падежом со значением «куда», см.

севсаам. *munnje* (иллатив) *addit* 'дать мне'. В боръярмолет, несмотря на наличие местоименных форм, которые соответствуют шведским формам, передающим значение дательного падежа без предлогов (*däg, mäg*, шв. литер. *dig, mig*), эти формы используются в сочетании со сложными предлогами со значением «куда» *uti, bak i* (ср.: *uti däg* 'тебе', букв. 'в тебя', *uti mäg* 'мне', букв. 'в меня')¹⁸. Эти же предлоги употребляются не только с местоимениями, но и с существительными (*uti min wäm* 'для моего живота', букв. 'в мой живот', *bak i den borgar* 'назад горожанину', букв. 'назад в горожанина'). В саамских языках семантика адресата передается только иллативом без предлога или послелога. Очевидно, что в боръярмолет мы сталкиваемся с сохранением свойственной саамскому иллативу семантики «куда», но выраженной не падежом, а сложным предлогом.

Те же примеры показывают влияние саамской грамматики на формирование сложных предлогов в боръярмолет. В саамском языке пространственные значения («где, куда, откуда») передаются падежами, а более детальные пространственные отношения послелогами. Саамские послелоги восходят к падежным формам существительных со значением «место перед предметом», «место за предметом», «место под предметом» и т. п., ср. южносаам. существительное *duekie* 'место сзади' и послелоги *duakan* 'к (сзади)', *duekste* 'от (сзади)', *duekesne* 'за', *duekiem* 'вдоль (сзади)'. Поскольку послелоги восходят к падежной форме существительных, все саамские послелоги имеют два семантических и формальных фокуса. Первый фокус передается корнем (исконное существительное со значением «место перед, под, за, на»), а второй, исконной формой падежа («где, куда, откуда, вдоль»). В боръярмолет мы имеем дело со сложными формально и семантическими двухфокусными предлогами, которые по своей структуре соответствуют саамским послелогам; ср.: севсаам. *baldii* 'рядом+в (куда)' и предлог *uti* 'вне+в (куда)' в боръярмолет, а по своей функции соответствуют саамским падежам. Не исключено, что иллативное значение сложного предлога *uti* со вторым компонентом *i* связано и с формальным сходством *i* с саамским показателем иллатива, который характерен и для существительных и для послелогов (ср. севсаам. *baldas* 'у (где), откуда' — *baldii* 'у + в (куда)'). Казалось, естественно было бы использовать в боръярмолет предлоги по скандинавскому образцу, например предлоги *till* или *åt*, которые соответствуют по своей се-

мантике предлогу *uti* в боръярмолет. Однако в саамских языках нет однофокусных предлогов.

Возможно, именно пиджины типа боръярмолет были источниками некоторых форм, которые распространились впоследствии в шведские и норвежские диалекты, ставших основой для соответствующих литературных норм. В саамских языках, где насчитывают более 100 послелогов, их двухфокусная семантика, как правило, полностью соответствует двухфокусной семантике шведских (где их около 60), и норвежских (где их около 100) сложных предлогов: южносаам. *sijste* — шв. *inåt, sistie* — *inifrån, sisnie* — *inom*; *nille* — *uppåt, nelhtie* — *uppifrån, nelnie* — *uppå* и т. п.¹⁹

Третий случай проявления саамской грамматической интерференции в боръярмолет — форма *din bak* ‘тебе назад, т. е. взамен’, *букв.* ‘твой назад’; ср.: *Du släpp din räf uti min wäm, så få du din bak den pelsomesak*. В саамских языках послелоги могут иметь притяжательные суффиксы; ср., напр.: севсаам. *lusa* ‘к’, *lusan* ‘ко мне’, *букв.* ‘к-мой’, *ruoktot* ‘назад’, *ruovttos* ‘ему назад’, *букв.* ‘назад-его’. В нашем случае саамская форма с притяжательным суффиксом 2-го лица единственного числа (ср. северосаам. *ruovttot* ‘тебе назад’, *букв.* ‘назад-твой’) превратилась в боръярмолет в форму с притяжательным местоимением в препозиции (*din bak*). Употребление шведской формы существительного *bak* соответствует саамским падежным формам существительных, ставших послелогам; ср. выше южносаамское *duckie* ‘место сзади’ и образованные от него послелоги. Аналитическая форма и порядок слов в конструкции *din bak* соответствуют шведской модели, однако семантика формы *din bak* ‘тебе назад’ соответствует саамской семантике сочетания послелога с притяжательным суффиксом.

Мы видим, что саамская интерференция в большинстве случаев выступает не в чистом, а в трансформированном виде, в соответствии с моделями шведской грамматики и общей типологией пиджинов.

Таким образом, несмотря на очень ограниченный материал, можно установить основные особенности боръярмолет. Словарный состав, в основном, шведский, но есть и саамские слова и инновации в области словообразования. Определяемые фонологические особенности тоже оказываются шведскими (северошведскими). Морфологическая система боръярмолет упрощена и по сравнению как

со шведским, так и с саамским языком. Однако в морфологической системе видны не только инновации, связанные с ее упрощением и аналитизацией. В боръярмолет мы встречаем и прямую (употребление форм со значением «куда» вместо обычных для скандинавских языков форм со значением «кому») и видоизмененную саамскую интерференцию (двухфокусные сложные предлоги вместо саамских падежей, образованные по модели саамских двухфокусных послелогов и аналитическая форма притяжательного местоимения с существительным в наречном значении вместо саамской формы послелогов с притяжательными суффиксами). В обоих случаях мы сталкиваемся с взаимодействием саамской и шведской грамматических структур, при котором саамская грамматическая семантика передается шведскими грамматическими средствами. При этом появляются новые формы, не характерные ни для саамского, ни для шведского языков (см.: *uti, bak i, uti min väm, min bak*).

Если вспомнить, что основной критерий пиджина — наличие единой грамматической структуры с упрощенной морфологией и синтаксисом, с одной стороны, и появление инноваций, несвойственных языкам, на основе которых появился соответствующий пиджин, с другой²⁰, то боръярмолет несомненно соответствует этим критериям. Причем инновации боръярмолет затрагивают и грамматику, и лексику. Морфологически боръярмолет оказывается гораздо более единообразным, чем руссеношк. Кроме того, боръярмолет намного превосходит руссеношк по наличию грамматических инноваций, связанных и с упрощением и аналитизацией и с саамской интерференцией. Все это свидетельствует о том, что боръярмолет уже в начале XVIII в. был сформировавшимся пиджином, тогда как руссеношк и к началу XX в. еще находился в процессе пиджинизации²¹.

¹ *Högström P.* Beskrifning öfwer de til Sveriges Krona lydande Lapmarker. Stockholm, 1747. S. 77; *Wallström S.* Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt från Arjeplogmelet. Uppsala, 1943. S. 21.

² *Qvigstad K. J.* Über die Geschichte der lappischen Sprachforschung // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1899. Bd 16, No 3. S. 11.

³ *Jahr E. H.* On the Pidgin Status of Russenorsk // Language Contact in the Arctic. Northern Pidgins and contact Languages / Ed. by E. H. Jahr, I. Broch. Berlin; New York, 1996. P. 117 (Trends in linguistics. Studies and Monographs. 88).

⁴ *Broch I.* Solombala-English in Archangel // Ibid. P. 93–98.

⁵ Тексты на руссеношке и его словарный состав см. в статьях норвежского

слависта Олафа Брока: *Broch O.* 1) *Russenorsk // Maal og minne.* 1927. S. 81–130; 2) *Russenorsk. Textmateriale // Maal og minne.* 1930. S. 113–140. Ср. также: *Broch I., Jahr E. H.* *Russenorsk — et pidginspråk i Norge: 2. utg.* Oslo, 1984.

⁶ *Högström P.* *Beskrifning öfwer...* S. 77.

⁷ См., напр.: *Hancock I.* *The Special Case of Arctic Pidgins // Language Contact in the Arctic...* P. 18. Очень краткое описание борьярмолет мы находим в книге И. Брок и Э. Х. Яра о руссеношке; см.: *Broch I., Jahr E. H.* *Russenorsk...* S. 70–71.

⁸ *Ruong I.* *Saklig kommentar // Högström Pehr Beskrifning öfwer Sweriges Lapmarker 1747. Facsimileutgåva.* Umeå, 1980. (Norrländska skrifter No 3). S. XXXIII.

⁹ *Broch I., Jahr E. H.* 1) *Russenorsk...* S. 71; 2) *Russenorsk: A New Look at the Russo-Norwegian Pidgin in Northern Norway // Scandinavian Language Contacts / Ed. by P. S. Ureland, I. Clarkson.* Cambridge, 1984. P. 50.

¹⁰ *Högström P.* *Beskrifning öfwer...* S. 77.

¹¹ Яр, отмечая богатую синонимику руссеношка, пишет, что наличие большого количества синонимов — характерная черта пиджинов: *Jahr E. H.* *On the Pidgin Status of Russenorsk.* P. 117.

¹² *Itkonen E.* *Inarilappisches Wörterbuch.* Bd III. Helsinki, 1986–1991. S. 372.

¹³ *Hasselbrink G.* *Südlappisches Wörterbuch Bd III.* Uppsala, 1985. S. 1088; *Lagercrantz E.* *Wörterbuch des Südlappischen nach der Mundart von Wefsen.* Oslo, 1926. S. 137.

¹⁴ Ср. средненижнемецкое *gōva*, откуда, как полагают, это слово и было заимствовано в скандинавские языки.

¹⁵ *Vries de J.* *Nederlands etymologische woordenboek.* Leiden; New York; Köln, 1992. S. 556.

¹⁶ Передняя гласная в южносаамском могла восходить и к умлаутной форме с суффиксом *j*; ср. форму *rōb(i)ōn (*Falk Hj., Torp A.* *Wortschatz der germanischen Spracheinheit.* Göttingen, 1909. S. 347); ср. немецкое *Rübe*, хотя более вероятно возведение южносаамского *reäva* к прагерманскому *rēf-.

¹⁷ См. подробнее: *Kusmenko Ju.* *Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen.* Berlin, 2008. S. 92–96, 103–109.

¹⁸ Употребление глагольного управления со значением «куда» вместо исконного норвежского управления со значением «кому» или «где» характерная черта саамской интерференции в самых северных норвежских диалектах; см., напр.: *Bull T.* *Samisk-nordisk kontaktforskning — eit statusoversyn // The Sámi and the Scandinavians. Aspects of 2000 Years of Contact / Ed. by Ju. Kusmenko.* Hamburg, 2004. S. 190.

¹⁹ Подробнее о связи североскандинавских сложных предлогов с саамскими послелогоми см.: *Кузьменко Ю. К.* *Сложные предлоги в североскандинавских языках и в русских диалектах (к истории одной параллели) // Acta linguistica petropolitana.* Vol. 3, No 1. St.-Petersburg, 2007. С. 149–160.

²⁰ См., напр.: *Hancock I.* *The Special Case of Arctic Pidgins.* P. 20–22.

²¹ Ингвиль Брок и Хакон Яр полагали, что наличие нескольких шведских и саамских слов в руссеношке свидетельствует о том, что руссеношк — это «релексикализованный» борьярмолет, т. е. борьярмолет, в котором шведские слова были заменены русскими и норвежскими словами, а грамматическая структура осталась без изменения; см.: *Broch I., Jahr E. H.* *Russenorsk...* S. 71. Позднее Яр отказался от этого мнения, признав справедливой критику этого по-

ложения в оставшейся мне недоступной рукописной работе Арнбёёрндоттир и Смита, аргументация которых осталась мне неизвестной (ср.: *Jahr E. H. On the Pidgin Status of Russenorsk...* P. 111). По своей структуре борьярмолет значительно отличается от руссеношка. Различие это проявляется не только в морфологии, но и в заметной саамской интерференции в борьярмолет и в полном отсутствии таковой в руссеношке. Вряд ли стоит придавать такое значение нескольким шведским и саамским словам, которые могли попасть в руссеношк не прямо из шведского и саамского, а через норвежский или русский. В отношении саамских слов, которые все — название рыб, это очевидно (см.: *Broch O. Russenorsk...* 1927. S. 125). Восходящее к шведскому слову *körman* слово *kukman* для обозначения кунца в руссеношке также пришло в руссеношк из русского, ср. это же слово в виде *kukmaned* в трехстраничном рукописном русско-шведском торговом разговорнике начала XVIII; см.: *Алимова Т. А.* Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII–XIX вв. // Труды отдела древнерусской литературы, XXI. Л., 1976. С. 390–392.

Yury Kuzmenko

BORGARMELET, A SAAMI-SWEDISH PIDGIN FROM THE XVIII c.

Borgarmelet is a typical pidgin being characterized by a vocabulary mostly from a superstrate language (Swedish), a stable simplified grammatical structure without synthetic forms, direct or transformed grammatical interference from the substrate language (Saami), and its own innovations both in word-formation and in its grammar.